

The background of the book cover is a photograph of a landscape. It features a clear, light blue sky with a few wispy clouds. In the foreground, there is a green field with some darker patches of earth. A line of green trees and bushes runs across the middle ground. In the top left corner, there are dark, out-of-focus silhouettes of leaves or branches.

Николай Югов

**След
варяжской
ладьи**

16+

Николай Югов

След варяжской ладьи

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Югов Н.

След варяжской ладьи / Н. Югов — «ЛитРес: Самиздат», 2014

«След варяжской ладьи» – это второй из шести коротких историко-приключенческих романов, рассказывающий о событиях VII-VIII века н.э, возможно происходивших в верховье реки Волги. Главные герои романа – славянский кузнец по имени Яр и его приятель, Лад. Они видят, как возвращающаяся из похода большая варяжская дружина берет дань с жителей соседнего селения, принадлежащего племени меря и уводит с собой двух сестер – Кайю и Эльви. Пытаясь спасти пленниц, юноши похищают варяжское судно, но вскоре обнаруживают, что вторая девушка, находящаяся на ладье – это совсем не Эльви, а очень похожая на нее дочь норвежского ярла – предводителя варяжской дружины. Вот о тех приключениях, которые выпали на долю участников этих событий и рассказывает этот роман. Он, как и предыдущий, написан на основании находок, обнаруженных в данной местности.

© Югов Н., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Глава 1. Неизвестное селение.	5
Глава 2. Неприятные новости.	8
Глава 3. Священный ритуал.	11
Глава 4. Незваные гости.	14
Глава 5. Бурвище.	17
Глава 6. Первая жертва.	20
Глава 7. Благуша.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава 1. Неизвестное селение.

Прозрачная вода на мелководье была спокойной и теплой. Стайка мальков, поднывавшая откуда-то из глубины бездонного, темного омута, теперь постепенно и осторожно втягивалась на это, изобилующее кормом, пространство. Крупная пятнистая щука, совершенно незаметная среди многочисленных, зеленых кувшинок, давно уже следила за их неторопливыми движениями, выбирая для себя очередную и беспечную жертву. Внезапно чья-то тень закрыла солнце, и хищница, вспенив воду своим сильным хвостом, с досадой убралась прочь. Связываться с человеком в ее планы сегодня, явно, не входило.

– Водяной! Что-то не нравится ему, вот и пугает! – подумал Хаук, наблюдая, как расходятся по воде круги. Ручей, вверх по которому он плыл на своей легкой лодке, раздваивался, и нужно было выбирать, по какому из потоков следует продолжить свой путь. Еще неделю назад, ярл приказал обследовать левый приток Черного ручья, но приказ до сих пор так и не был выполнен. Всю неделю дождь лил как из ведра, и лишь сегодня, наконец, выглянуло из-за облаков долгожданное яркое солнце. Вода в ручье поднялась, и левый приток его теперь был похож на небольшую спокойную речку, несущую свои воды откуда-то из глубин этого незнакомого и бескрайнего леса. Вполне вероятно, что где-то там, под кронами белоствольных берез и вечно-зеленых елей, находится и какое-то, неизвестное им, селение. Многочисленные племена Меря давно уже облюбовавшие для себя это безбрежное, лесное пространство, чувствуют себя здесь в полной и абсолютной безопасности. Кленг всегда считал большой удачей найти хотя бы одно из этих лесных селений и, как положено в таких случаях, обложить его существенной данью. Несколько небольших мерянских племен уже полностью находились в его власти, но вождь считал, что этого ещё недостаточно. Дорогие меха и прекрасный, целебный мед никогда не будут лишними на его вместительных и быстрых судах, тем более что для этого не нужно проводить никаких военных мероприятий. Местные жители, как правило, не оказывали, и не оказывают варяжской дружине никакого, существенного, сопротивления. Прекрасные охотники и неплохие рыболовы, живущие в полной гармонии с природой, меряне дерутся отчаянно, но, как правило, совершенно бессмысленно и безрезультатно. Неукрепленные их поселки всегда были легкой добычей профессиональных воинов и постепенно, один за другим, облагались соответствующей данью. Каждое лето ярл со своей дружиной собирал ее с покоренных племен и увозил по полноводной реке Рудон к холодному Варяжскому морю. Здесь все было просто и понятно. Другое дело – кривичи. Эти не местные и постоять за себя умеют. Села и города свои, в отличие от мерян, они огораживают сплошным и высоким забором. Дружины варягов неплохо подготовлены для штурма таких укреплений, но совсем непривычны к скоротечным ночным сражениям, которые время от времени навязывают им эти непонятные и непокорные варвары. Нельзя даже приблизительно сказать, когда и каким числом они вновь атакуют спящий варяжский, лагерь и как долго может продолжаться эта неравная и кровопролитная битва. Особенную опасность для иноземцев представляют многочисленные волоки, разбросанные по всей территории этого безбрежного и лесистого края. Крепкие, деревянные суда, лишённые здесь маневра, могут лишь на время стать защитой для попавших в засаду воинов, но затем, как правило, горят, подожженные стрелами славян. Прошлой осенью, когда дружина, как обычно, тащила свои наполненные добычей суда от Черного ручья к реке Итиль, справа, далеко на юго-западе, был замечен их небольшой конный дозор. Это явно не предвещало ничего хорошего, и, хотя тогда все обошлось без какого-либо конфликта, ощущение тревоги осталось. Кленг – их ярл – в этот раз послал на правый берег ручья несколько пеших воинов, а левый, топкий и непроходимый, обязал обследовать Хаука. Лодка оказалась тем единственным средством передвижения, которое только и можно было использовать в данной, сложившейся ситуации. Медленно, но надежно.

Левый поток, если смотреть на него с движущейся против течения лодки, показался гребцу более внушительным, и он, не сворачивая продолжил по нему свое изначальное движение на северо-запад. Весла, движимые опытными руками гребца, без всплеска уходили в воду и так же беззвучно покидали ее, готовясь к новому, мощному гребку. Вокруг все было тихо и спокойно.

Хаук, что означает ястреб, получил это имя за свой агрессивный и в тоже время спокойный, уравновешенный характер. Считалось, что эти совершенно противоположные черты не могут и не должны одновременно уживаться в одном человеке, но они уживались. Стройный рыжеволосый двадцатилетний норвежец мог иногда часами молча сидеть у горящего костра, абсолютно не реагируя на насмешки своих товарищей, и в то же время в бою он весь преобразался. Grimаса ненависти до неузнаваемости искажала его красивое лицо, и острый именной меч, уже окрашенный чьей-то кровью, стремительно падал на голову находящегося перед ним противника. В дружине его уважали и даже немного побаивались, несмотря на то что это был его первый, серьезный поход. Бывший охотник и земледелец, на этот раз он тоже, как и все его сверстники, решил отправиться на восток, надеясь вернуться из дальних краев с богатой и крупной добычей.

Болотистый, левый берег через какое-то время начал подниматься. Деревья теперь вплотную подступили к воде и их ветки уже иногда касались головы гребца, замедляя и без того не слишком быстрое движение судна. Однако это продолжалось недолго. Местность вновь стала постепенно опускаться и вскоре вновь превратилась в такую же болотистую и непроходимую равнину, которой и была в самом начале этого нелегкого и долгого путешествия.

Вскоре прибрежный кустарник расступился и впереди показалось небольшое пространство спокойной и чистой воды. Глубина здесь была незначительной, и судно, на котором плыл Хаук, начало периодически задевать дно уже существенно обмелевшего и расширившегося здесь ручья. Двигаться дальше было уже бессмысленно. Никакого селения в этом месте, по видимому, не было, и об этом он теперь может со спокойной совестью сказать своему вождю. Задание было выполнено. Хаук развернул лодку, и она, подчиняясь движению воды, начала медленно двигаться вниз по течению, но, не пройдя и десяти шагов, вдруг остановилась, уткнувшись в крепкую и хорошо замаскированную рыболовную сеть.

– Вот это да! – только и мог воскликнуть, удивленный таким происшествием, юноша. – Если есть сеть, то, по логике, должны быть и люди, поставившие ее! Подождем, посмотрим! – Он осторожно отвел свою лодку на относительно безопасное расстояние и, прикрыв ее ветвями, сошел на берег.

Солнце уже клонилось к закату, когда с северо-восточной стороны слышались чьи-то приглушенные голоса. Прошло еще какое-то время, и из-за деревьев на берег вышли две молодые, темноволосые женщины.

– Вернее всего, что это не кривичи, а меряне. Те в большинстве своем светловолосые, да и одежда у них другая, – подумал Хаук, продолжая с любопытством наблюдать за происходящим.

«Вернее всего, что это не кривичи, а меряне. Те, в большинстве, своем светловолосые, да и одежда у них другая», – рассуждал Хаук, продолжая с любопытством наблюдать за происходящим.

Между тем, незнакомки не торопясь, зашли в воду и, вытащив сеть на берег, стали выбирать попавшую в нее добычу. Рыбы было много, и скоро корзины, принесенные ими с собой, были наполнены. Затем сеть вновь была установлена на прежнее место, и рыбаки, немного посидев на берегу, словно поджидая кого-то, двинулись в обратном направлении. Юноша осторожно последовал за ними. Небольшой земляной горб, немного возвышающийся над болотистой местностью, скоро вывел их на свободное от леса пространство. Видимо, это были покосы. За ними показались и обработанные участки земли, на которых трудились около десятка селян. Чуть дальше, из-за густых зарослей кустарника, виднелось и несколько небольших деревянных

построек. Сколько их было в селении, разглядеть не удалось, но даже того, что увидел Хаук, было вполне достаточно, чтобы сделать определенный вывод: селение большое и далеко не бедное.

«Ярл будет доволен! – подумал юноша, наблюдая с опушки леса за тем, что происходит вокруг. – Хотя наши лодки и перегружены собранной данью, Кленг обязательно найдет еще немного места для новой добычи!»

Где-то недалеко от селения залаяла собака, и Хаук, чтобы не быть обнаруженным, повернул обратно. То, что ему нужно было узнать, он узнал, а остальное пусть решает Кленг. Задание было выполнено, и теперь ничего не мешало ему вернуться на плес, где сейчас лагерем стояла их многочисленная и сильная дружина.

Лодка, замаскированная ветвями, стояла на прежнем месте, но складывалось ощущение, что будто бы кто-то здесь, в его отсутствие, все-таки побывал, хотя явных доказательств этому и не было. Единственное, что смущало юношу, так это следы неизвестного, крупного животного. Оно перешло поток, вплотную приблизилось к его тайнику, немного постояло, а затем двинулось дальше на территорию большого и топкого болота. Определить по следам, лось это или лошадь, было практически невозможно, так как болотистая почва оставила на этом месте лишь глубокие лунки, уже залитые холодной и мутной водой.

«Вероятнее всего, что это был лось. Лошадь вряд ли пройдет сквозь бурелом и болото, да и если бы это была лошадь, то не дикая же она! Был бы и наездник, а тот обязательно заинтересовался бы его лодкой!» – мысленно рассуждал Хаук, откидывая ветви, которыми было укрыто его небольшое, маломерное судно. Все оказалось на месте. И меч, и лук, и колчан со стрелами лежали на дне лодки именно так, как он их и положил, отправляясь в преследование за незнакомыми ему женщинами.

«Лось!» – облегченно вздохнул юноша и, сев в лодку, осторожно направил ее вниз по течению. Двигаться теперь нужно было тихо и незаметно. Обнаруженное им селение говорило о том, что совсем не исключена и ещё одна, явно нежелательная, встреча Хаука с каким-нибудь местным жителем, случайно оказавшимся в это время на берегу ручья. Исчезнет фактор внезапности, и тогда, предупрежденные селяне, попрятав свой скarb и угнав скот в более надежное место, тут же разбегутся по лесам и болотам, а этого никак нельзя было допустить.

Грести теперь Хаук уже не решался и только лишь иногда направлял шестом свое судно, осторожно двигаясь по уже знакомому ему руслу притока. Это продолжалось довольно долго, но вот, наконец, за деревьями, блеснув на солнце широкой лентой воды, показался Черный ручей. Здесь чувствовалось спокойнее, хотя лодка и стала более заметна на фоне крутых, а иногда и обрывистых берегов ручья.

Еловый лес внезапно закончился. По берегам ручья, то тут, то там начали появляться небольшие, заросшие крапивой, прогалины. Все говорило о том, что до лагеря осталось совсем немного, и юноша, решив, что опасность миновала, осторожно взялся за весла. Лодка пошла быстрее. Наконец деревья полностью расступись, и на широкой глади огромного речного плеса показались знакомые очертания груженных, норвежских судов. Высокий песчаный берег с установленными на нем походными шатрами варягов за время его отсутствия не претерпел никаких существенных изменений. Пахло дымом, жареным мясом и ещё чем-то вкусным, отдаленно напоминающим запах сытных, овсяных лепешек. Хаук причалил к берегу, поднялся по крутому склону и, не обращая внимания на сидящих у огня людей, вскоре исчез в одном из этих многочисленных и просторных шатров.

Глава 2. Неприятные новости.

Пес лаял остервенело и с каким-то надрывом. Успокаивая лошадь, Яр проклинал себя за такую, совершенно несвойственную ему, опрометчивость, но исправить уже ничего не мог. Он был обнаружен.

– Что случилось? – раздался строгий и явно недоброжелательный голос Арви. – Мы договорились, что отныне и впредь никаких контактов меж нашими общинами не будет. Ты нарушил этот договор и должен быть наказан. Придется теперь отдать нам свою лошадь. Разве ты не понимал, что именно так все и произойдет?

Яр все понимал. Еще прошлой весной в охотничьих угодьях этого селения обнаружился погибший лосенок, бок которого был пробит стрелой, принадлежащей общине Яра. И без того, шаткое перемирие между соседями было нарушено, причем нарушено дважды. Согласно давно уже установившимся правилам, охотиться каждой из общин можно было только в своих лесных угодьях, а лосенок был найден рядом с селением мерян. Он не мог долго бежать с такой раной, но это еще не самое плохое в этой непонятной и странной истории. Был нарушен и еще один, очень важный и строгий запрет. Запрет на охоту за детенышами. Он касался всех, и мерян и кривичей, и кривичи нарушили его. Двухшпный наконечник стрелы, извлеченный из тела животного, явно указывал на принадлежность его славянам. Напрасно те утверждали, что это не их рук дело, но факты говорили сами за себя и оспаривать их было уже бессмысленно. Ходили даже слухи, что выковал его именно Яр. Он, как и его отец, с детства занимался этим тяжелым, но почетным трудом и даже совсем неплохо преуспевал в этом деле. Арви сам иногда заказывал у него некоторые сложные вещи, но это было еще прошлой весной. Теперь все переменялось. Меряне были настроены враждебно, и попытки убедить их в том, что здесь произошла какая-то трагическая ошибка, были тщетны.

– Что случилось? – повторил свой вопрос Арви.

– Варяги пришли! – коротко ответил Яр.

– Я знаю. Четыре больших лодки стоят на плесе, и завтра утром их поволокут к реке Итиль. Так было раньше, так будет и сейчас. – Голос Арви был строг и спокоен.

– Нет, Арви. Завтра утром их дружина войдет в ваше селение и будет требовать дань. Именно об этом я и пришел вас предупредить!

– Ты в своем уме?! Они же торговцы!

– Были торговцами! До прошлого года и мы тоже так считали, но теперь все изменилось. Прошлой осенью варяги силой отобрали в одном из селений славян все, что им было нужно, а на этот год обязали приготовить им новую дань! Известно также, что за противодействие их воле эти бывшие торговцы сожгли уже несколько небольших непокорных селений.

– Но о нас, о нашем селении, им вообще ничего не известно!

– Уже известно! Буквально час назад один из них был на Лисятнике и видел Кайю и ее сестру. Он скрытно шел за ними до самого села, но потом вернулся и уплыл в сторону плёса. Я сам это видел!

– Этого не может быть! – в замешательстве проговорил Арви. – Этого не может быть, потому что их лодкам здесь не пройти – воды мало!

– Мало! Да ты оглянись вокруг! Неделью шел дождь, и даже в вашем селении до сих пор стоят огромные лужи, а что же говорить о ручье! Спроси у своих племянниц, они не обманут! Ты же нойд! Ты должен это знать! Да и лодка у этого незнакомца была маленькая, совсем как наша!

Действительно, окончившийся только вчера дождь был затяжной и сильный. Колодцы наполнились водой, и к ним трудно было теперь подойти. Арви видел это и понимал, что юноша говорит правду, хотя верить сказанному и не хотелось. Статус нойда обязывал его самого забла-

говременно предугадывать события, а здесь, видимо, что-то не сработало, и эту неприятную новость он узнал от другого человека, совершенно не обладающего магическим даром. Нужно было что-то решать.

– Хорошо! Предположим, что это, действительно, так, но объясни, каким образом ты сам оказался на Лисятнике? Это наша земля, и ты не мог не знать об этом. Ведь, наверное, тебе там что-то было нужно? – произнес Арви и внимательно посмотрел на Яра.

– Заблудился! – потупив глаза, произнес юноша, совершенно не заметив улыбку своего собеседника. – Воды сейчас много в лесу, вот я и выбирал наиболее сухие места, но заблудился!

«Конечно! Лисятник – это самое сухое место поблизости! Да, Яр! Врать ты так и не научился!» – подумал Арви, но ничего не сказал. Он давно уже знал, что его племянница Кайя после размолвки между общинами продолжает тайно видеться с этим молодым кузнецом, но ничего не сказал. Ему нравился этот высокий, умный и очень способный юноша, а в том, что они встречаются иногда, Нойд не видел ничего предосудительного, хотя и понимал, что обязательно найдутся люди, которые будут публично взывать к законам предков и возражать против любых отношений с иноверцем. Арви считал, что это неправильно. Каждый человек вправе решать сам, как ему поступить в том или ином случае. Конечно, нужно уважительно относиться к законам предков, но если эти законы идут вразрез со здравым смыслом, то их нужно не нарушать, а просто трактовать несколько по-иному.

– Ладно! Поступим так. Я, конечно, как и любой житель нашего селения, обязан отобрать у тебя и лошадь, и все, что есть при тебе. Нарушить это правило я не могу и не должен. Ты незвано пришел на нашу землю и поэтому должен быть наказан. Однако я ведь мог и не встретить тебя! Уходи быстро и незаметно. И запомни, чтобы рядом с моей племянницей я тебя больше не видел! – последнюю фразу Арви произнес уже менее решительно, и это не прошло незамеченным.

– Тогда я пойду? – скромно спросил Яр, но глаза его сияли. Он понял, что хотел, но не мог сказать его собеседник. Ему бы тоже многое хотелось сказать Нойду, но он тоже не мог, да и не время было сейчас говорить на эту тему.

– Иди! – произнес Арви и, глядя вслед удаляющемуся юноше, подумал:

– Смелый парень! Не каждый бы решился потерять единственного коня, помогая своим, пусть и не очень-то ненавистным, но все-таки недругам.

Нойд и сам не верил, что та злосчастная стрела была выпущена из лука кривича, но доказать это своим односельчанам ему тогда так и не удалось.

Вода хлюпала под ногами, и Яру казалось, что он уже никогда не выберется из этого бесконечного и мокрого пространства.

«И надо же было сказать Арви, что оказался здесь исключительно потому, что хотел пройти по сухому месту! Так он мне и поверил! Сейчас, наверное, разбирается с племянницей относительно последней рыбалки! Как все это некстати!» – мысленно рассуждал Яр, второй час двигаясь по мокрому, заросшему непроходимым кустарником, болоту.

Где-то отдаленно слышалось лошадиное ржание. Юноша насторожился. У варягов лошадей не было, как не было их и у соседских мерян, предпочитавших использовать для работы быков.

«Несомненно, кто-то из наших! – подумал. Яр – Неужели Лад ищет меня по какому-то срочному делу?»

Юноша ускорил шаг. Почва постепенно становилась все суше и суше, и наконец под ногами вода исчезла, а ей на смену пришел, усыпанный иглами хвои, зеленый и мягкий мох редкого елового леса. Ельник тоже вскоре закончился, и уже стройные березовые куртины приветливо закачали своими ветвями над головой выбившегося из сил человека. Дав немного отдохнуть и себе, и лошади, Яр продолжил свое движение уже в седле. Деревья стояли редко, и он, почти не пригибаясь, добрался до Черного ручья. Знакомый брод, несмотря на боль-

шое обилие воды, дал возможность ему, не слезая с лошади, перебраться на противоположный берег. Это были уже земли кривичей, и на них он чувствовал себя более уверенно и безопасно. Вдалеке, на юго-западе, чуть приметные на фоне горизонта, были видны макушки огромных тополей. Там, под их кронами, и было его, отстроенное еще отцом, уютное и просторное жилище. Лошадь, словно чувствуя это, натянула поводья и сама, без какой-либо команды, уверенно повернула на юго-запад.

Лес, наконец, полностью расступился и теперь, вплоть до самого села, простиралось лишь чистое и ровное поле. Яр оглянулся и ещё раз внимательно посмотрел на северо-восток. Там, вдалеке, над лесом, уже поднимался к облакам столб священного белого дыма. Это меряне просили своих богов о помощи.

Закатное солнце уже коснулось вершин деревьев, когда Яр наконец добрался до своего села. Он напоил коня, отвел его на пастбище и вновь вернулся к своему жилищу.

– Ты где пропадал? Варяги поблизости, а его и дома нет! Лад тебя с утра разыскивает! – послышался взволнованный голос матери.

– Я на брусничник ездил. Там сейчас тетерева целыми стаями по полянам бродят!

– Ну, и где же эти тетерева? Что-то я ни одного не вижу, а вот то, что ты новые сапоги одел вместо лаптей, вижу отлично!

– Улетели! Лиса спугнула!

– Знаю я, какая это лиса! Опять, наверное, за Черный ручей к своей болотной лягушке ездил?!

– И совсем она и не лягушка! Понять не могу, чем тебе не мила? Красивая, умная, хозяйственная! Ну, уж если тебе не нравится, что она хозяйственная, то так и скажи! – парировал Яр. Он знал, что матери нравилась эта темноволосая, среднего роста девушка из соседнего селения, да и к тому же год назад ее дядя, колдун, или нойд, как они его называют, вылечил ее от тяжелой болезни. Все это так, но Кайя была другой веры и другого племени, и с этим мать никак не могла смириться.

– Лад зачем приходил? – осторожно спросил Яр.

– А затем и приходил, чтобы предупредить тебя о том, что эти варяги совсем не похожи на тех торговцев, которые были прошлый раз, да и кроме обычных лодок у них теперь появилась еще одна. Длинная, узкая и щиты по бортам развешены. На таких судах товары не возят!

– Одно другого не легче! – подумал Яр, но ничего не сказал. Он знал, что в последнее время варяги стали вести себя более агрессивно, и обмен товарами иногда заканчивался потасовкой, которую умышленно провоцировали пришельцы. Судя по слухам, где-то в верховье реки Рудон они действительно сожгли два селения славян за то, что те отказались платить им дань, а это говорило о многом. Вот и сегодня варяжский дружинник тайно следил за селением мерян. Он не подошел к жителям, не предложил им выгодной торговли и вообще вел себя как-то очень и очень странно. Купцы так не поступают.

«Может быть, я, действительно, сгустил краски и зря напугал соседей, но уж лучше пусть будет так. Теперь меряне знают о том, что их может ожидать в ближайшем будущем, и решают сами, как им следует поступить. В конце концов, никто не мешает им уйти на дальние болота, где их не только варяги, а и их собственные собаки не всегда отыщут! – продолжал размышлять юноша. – Ну а нет, так пусть договариваются с пришельцами миром. Это их дело!»

– Иди ужинать! – вновь раздался голос матери, и Яр, отвлекшись от размышлений, вдруг почувствовал, что он, действительно, сильно проголодался. Волнение и усталость на какое-то время притупили это чувство, но сейчас оно вновь вернулось к нему и теперь уже никуда не уходило. Юноша поднялся на крыльцо и, не дожидаясь повторной просьбы, вошел в это просторное и теплое помещение.

Глава 3. Священный ритуал.

Белый дым, неторопливо уходил вверх и, пользуясь благоприятной погодой, постепенно смешивался там с такими же белыми, как он, облаками. Постепенно цвет его менялся и вскоре приобрел уже знакомый, синеватый, оттенок. Еще мгновение – и огненная стена, предостерегающе рассыпая искры, оградила этот красивый вечерний водоем от всего, что могло бы хоть как-то помешать проведению здесь священного и сложного ритуала.

Небольшой островок, шагов пятнадцать в диаметре, с крупным синеватым камнем, лежащем на его песчаной поверхности, теперь едва просматривался сквозь это колеблющееся жаркое марево, и только вершина росшего там же дуба так же, как и прежде, отчетливо была видна на фоне предзакатного неба. Узкий, но крепкий мост, соединяющий островок с берегом, был незаметен, но о его существовании знали все жители селения, собравшиеся на этом старинном и хорошо известном им требище. Здесь все было готово к началу церемонии, и ждали лишь Арви, который в соответствии со своими обязанностями нойда и должен был открыть это торжественное и многолюдное мероприятие.

Наконец, сначала тихо, а затем все громче и явственнее послышался голос бубна. Люди расступились, и показался нойд. Обвешенный всевозможными оберегами и амулетами, с бубном в руках, он шел сквозь толпу и торжественно исполнял танец священного медведя. Это был ритуал жертвоприношения, и жертвенным животным на этот раз должен был стать медведь. Хранитель и защитник племени, привязанный цепями к огромному дубовому пню, сидел молча и, кажется, понимал всю трагичность создавшегося для него положения.

Танец нойда становился все быстрее и быстрее. Бубен звучал теперь уже не переставая, и звуки его, постепенно усиливаясь, наконец, слились в один сплошной и продолжительный гул. Внезапно все смолкло. Нойд прекратил свой танец, остановился перед медведем и сказал так, чтоб слышали все собравшиеся здесь жители села:

– Владыка леса и защитник нашего племени, не обижайся на нас! Наступили трудные времена, и нам, как никогда, нужна твоя помощь. Сходи и попроси у великого Укко защиты для жителей нашего селения. Он послушает тебя и обязательно нам поможет. Пусть он укроет густым туманом тропы, ведущие к нашим пашням. Пусть непрошенных гостей застигнет в пути сильнейшая гроза, и пусть они, так и не дойдя до нашего селения, вернутся к своим кострам. Пусть по-прежнему хранятся мир и счастье в наших уютных жилищах и горит ясный огонь в наших очагах. Не обижайся на нас и сделай то, что мы просим!

Арви поднял специально приготовленное ритуальное копьё и, уже через мгновение, острый металлический наконечник пробил медведя насквозь. Затем нойд извлек копьё из тела животного и, просунув руку в зияющую рану, вырвал сердце поверженного им медведя. Подняв высоко над головой эту желанную и окровавленную добычу, он медленно спустился к озеру и вскоре исчез за жаркой завесой огня. Все замерли в каком-то тревожном и безмолвном ожидании.

Солнце уже коснулось вершин деревьев далекого западного леса, когда из дымно-огненной пелены показалась фигура нойда. Он также медленно подошел к притихшей толпе, собравшейся на этом священном требище и торжественно произнес:

– Люди племени Меря! Я только что разговаривал у священного камня с Укко, главным небесным правителем! Он принял наш дар – сердце медведя, и поведал, что в самое ближайшее время нас ждут огромные неприятности. Придут чужие люди и будут отбирать у нас мед и меха. Укко советовал не противиться им, и тогда большого несчастья не будет. Они пробудут недолго и уйдут, а наши люди и жилища останутся целы. Есть еще время подготовиться к приходу чужеземцев и спрятать все, что представляет для нас хоть какую-то существенную ценность. Скот пусть останется здесь, с нами, чтобы пришельцы не заподозрили чего-то неладного. Я

сказал все. Теперь можно приступить и к священной трапезе – поеданию мяса жертвенного медведя. Это укрепит наши силы и веру в счастливое будущее. Да будет так!

Нойд подошел к убитому медведю и торжественно стал его разделять, давая каждому жителю селения по куску мяса согласно их положению в обществе. Наиболее храбрые охотники получили лучшие куски, а шкуру, как и положено в этом случае, взял себе Арви. Скоро задымались костры, и жители селения принялись варить и жарить полученные ими дары. Аппетитный запах поплыл над поляной, и Арви, также принимавший непосредственное участие в этой трапезе и съевший положенную ему порцию, поднялся и стал неторопливо обходить требище. Остановившись у каждого костра, он внимательно следил за правильностью соблюдения ритуала. Мясо должны были есть все, а вот кости следовало отдать нойду, чтобы по окончании мероприятия он закопал их вместе с головой медведя на том месте, где и было убито это священное животное. Считалось, что если поступить таким образом, то медведь возродится вновь, и вновь будет помогать жителям этого селения.

– Эльви, что случилось?! Ты не съела ни кусочка, да и Кайя не очень-то постаралась! – удивленно произнес Арви, подойдя к своим племянницам. – Так нельзя поступать. Медведь может обидеться и наслать на вас несчастье. Нельзя обижать своих покровителей!

– Этот покровитель два года назад разорвал нашего отца, и я не хочу, чтобы он возродился вновь, и вновь приносил кому-то несчастье. Не хочу! – тихо, но уверенно ответила Эльви.

– Но так нельзя! Не положено по нашему обычаю! Возьми хоть маленький кусочек! Видишь, Кайя же ест!

– Кайя боится гнева медведя, а я нет! Я не буду помогать возрождаться убийце моего отца. Что плохого он сделал этому хищнику?! Разве охотник не уважал и не чтил его, разве не задабривал этого зверя разными подарками?

– Значит, так решил Укко или еще кто-нибудь из богов, а медведь только исполнил их волю. Не гневайся на него.

– Я уважаю наших богов, дядя, но уважаю только тех, кто приносит нам счастье и достаток, кто лечит от болезней раны души и тела. Ты слышал когда-нибудь, чтобы я неуважительно высказалась по поводу священного Синего камня? Вот это действительно символ нашей веры! Наши предки не зря поклонялись ему и если просили помощи, то не было случая, чтобы он, Синий камень, остался равнодушным и отказал кому-то в их просьбе!

– Ладно, Эльви! Не буду спорить, но какое-то нехорошее предчувствие у меня! Может быть, все и обойдется, и наши боги защитят нас. Синий камень могуч, ты права, однако и он не всесилен. Навь и Явь зависят от ворона, и только он знает дорогу в страну мертвых. Когда я клал сердце медведя в углубление на Синем камне, ворон, молчал. Если бы будущее предвещало нам что-то ужасное, он бы подал голос. И все же съешь кусочек этого жертвенного мяса, мне будет спокойнее!

– Нет! – все также упрямо ответила ему Эльви.

– Как знаешь, – грустно произнес Арви и вновь пошел от костра к костру, собирая священные кости жертвенного медведя.

– Эльви, а может, дядя в чем-то прав! Я понимаю тебя, но нельзя же быть такой категоричной! Ну что тебе стоит проглотить маленький кусочек! Не ради медведя, которого я ненавижу не меньше, чем ты, а ради матери, которая будет сильно переживать, что ты нарушишь обычаи. Подумай сама, ведь ворон в этот раз не слетел с дуба и не прикоснулся к мясу медведя. Он давно живет в ветвях старого дерева, стоящего над Синим камнем, и всегда, не опасаясь человека, клевал принесенное ему угощение, а на этот раз он этого не сделал.

– Ну, хорошо, Кайя! Ради тебя, ради матери я съем немного. Надеюсь, что это не поможет медведю вернуться к жизни. Для этого нужно есть жертвенное мясо с верой в то, что медведь – священное животное. Я ем, но не верю. Это хищнику не поможет!

Эльви с отвращением взяла кусок жареного мяса и, отщипнув немного, положила в рот. На лице Кайи засияла счастливая улыбка.

– Давно бы так! Люди! Вы видите! Сестра ест мясо жертвенного медведя!

Сидевшие у костров повернули головы к сестрам и, одобрительно кивнув, продолжили свою священную трапезу. Кайя была в восторге. Теперь уже никто не сможет упрекнуть их в том, что они с сестрой не соблюдают законы предков. Вот даже ворон, только что пролетевший над их головами, и тот видел, как Эльви ела мясо священного медведя! Кайя заметила, как эта большая черная птица, неожиданно появившись со стороны их селения, сделала круг над требищем, потом спланировала на свое дерево и скрылась в его густой дубовой кроне. Ворон не каркал, а значит, и не предвещал никакого несчастья. Девушки не знали, что еще несколько минут назад эта священная птица долго кружила над опустевшими жилищами их селения и уже собиралась сесть на крышу, под которой жили сестры, но вдруг передумала и села на другую. Там жил Аарне – страстный поклонник Эльви. Ворон посмотрел по сторонам и, трижды зловеще каркнув, вновь поднялся в воздух. Пролетая над требищем, он видел внизу большую толпу людей и среди них Аарне, жарящего над углями костра мясо убитого медведя. Юноша часто оборачивался в ту сторону, где сидели Эльви и ее сестра и, судя по всему, этому человеку было сейчас совершенно безразлично, что происходит в небе над этой обширной и многолюдной поляной.

Солнце постепенно зашло за линию горизонта, и скоро на смену ему в небе появилась большая и полная луна. Она осветила своим холодным светом потухшие угли костров и нойда, неподвижно стоящего на этой потемневшей и уже совершенно безлюдной поляне. Вскоре, со стороны Журавлиного озера, потянуло прохладой, и белесая полупрозрачная пелена постепенно укутала это опустевшее, ритуальное, место. Прошло ещё некоторое время и приглушенные голоса людей, ещё раздававшиеся со стороны жилищ, наконец стихли и над всем этим теперь уже безмолвным, лесным пространством воцарилась полная и абсолютная тишина.

Туман постепенно густел. Вот уже исчезли в его таинственных объятиях силуэты многочисленных сельских строений. Очертания ближайших кустов также стали расплывчатыми и теперь напоминали какие-то бесформенные сгустки темноты, хаотично разбросанные по краям опустевшей поляны. Все было готово к завершению последней части этого серьезного, и столь необходимого сейчас, ритуала.

Арви выкопал неглубокую яму, уложил туда кости и череп медведя и, посыпав их углями уже потухших костров, прикрыл заранее приготовленным дерном. Затем он взял бубен, поднял над головой, и над опустевшим уже требищем поплыла заунывная песня нойда, в которой он просил богов о помощи и защите. Меряне, уставшие, напуганные, но непоколебимо верящие в помощь богов, давно уже спали в своих теплых и уютных жилищах, и только где-то над плесом ещё можно было заметить небольшое, чуть заметное, зарево. Под утро оно постепенно померкло, а затем и исчезло полностью. Бубен стих и вскоре уже ничего не указывал на то, что здесь, на этой поляне, был совершен священный и очень значимый для племени, ритуал. Традиции были полностью соблюдены и, теперь оставалось лишь надеяться, что их всемогущие и всесильные боги и на этот раз не останутся равнодушными и помогут жителям села избежать надвигающегося на них несчастья. Именно об этом, так долго и искренне просил их нойд, и боги, благосклонно принявшие пожертвованного им медведя, теперь, уже не могли и не имели права отказать ему в этой важной и очень существенной просьбе.

Глава 4. Незванные гости.

Туман был влажным и плотным. Казалось, что под покровом ночи на землю опустилось большое темное облако и, сладко задремав в тишине, окончательно забыло подняться в это предрассветное августовское небо. Неподвижные кроны деревьев казались теперь огромными, и очертания их, искаженные тьмой, внушали необъяснимый и оттого более навязчивый страх. Они были похожи на богов племени Меря, внимательно наблюдающих за скрытным передвижением пришельцев. Чужие боги молчали, и это выжидающее молчание, однозначно, говорило о том, что они чем-то сегодня недовольны.

Хаук поскользнулся и упал. Тяжелый шлем, состоящий из плоского железного обруча с приклепанными к нему накрест, двумя такими же металлическими дугами, сорвался с его головы и скатился в овраг.

– Под ноги гляди! Не на прогулке! – раздался рядом негромкий, но грубый голос. Он принадлежал, недавно принятому в дружину иноверцу. Это был кривич, пожелавший жить и воевать по законам Ульяра. Он окончательно отрекся от неправильных, славянских, богов и уже на деле доказал преданность своим новым товарищам. Только благодаря ему, удалось скрытно подойти к одному из славянских селений и взять с перепуганных жителей более чем приличную дань. Тогда Клэнг похвалил Глума, и теперь этот кривич считал себя вправе делать замечания любому варяжскому ратнику. Такое поведение новичка нравилось далеко не всем, но воины, уважая своего ярла, старались не обращать на это внимания.

– Ладно, не учи! – проворчал Хаук и, подобрав свой головной убор, вновь занял положенное ему место в строю.

Шли долго. Ноги неустанно хлюпали в болотистой жиже, и темная торфяная вода впережку с коричневой грязью давно уже забрызгала всех до самого пояса. Наконец показалось место, где Хаук заметил женщин. Цель была рядом. Ярл дал последние указания, и дружинники, разделившись на две колонны, двинулись на северо-восток. Одна из них должна была отрезать мерянам путь к отступлению, а другая – пойти на штурм этого большого и богатого селения. Клэнг был опытным вождем и понимал, что застигнутые врасплох жители бросятся бежать, и если их не остановить, то уже к следующему их приходу здесь останутся лишь заросшие сорняками поля да покосившиеся пустые жилища мерян, которые уйдут в более безопасный район этого незнакомого и безбрежного леса. Не воевать и грабить пришел он на эту землю, а защищать мерян от кривичей, а кривичей от мерян, и уже кое-что сделал для того, чтобы и тем, и другим нужна была его постоянная и надежная защита. Даже дружина не знала истинной цели ярла, когда тот попросил новоиспеченного воина добыть для него прошлой весной молодого лосенка. Все получилось как нельзя лучше, и раненое животное ушло от незадачливого охотника, унося на своем теле тонкую славянскую стрелу. Меряне – прекрасные охотники, и ярл не сомневался, что подбитый лосенок будет обязательно ими найден. Тогда ссоры между племенами вряд ли удастся избежать.

Лес расступился, и штурмовой отряд замер в ожидании условного сигнала. Перед ним на высоком месте, хотя и не очень отчетливо, были видны многочисленные жилые постройки и иные хозяйственные помещения, расположенные в пределах села. Рвов и заборов не было, что давало возможность дружине беспрепятственно войти в это, спящее ещё, поселение и предложить условия сделки. Клэнг предполагал, что, напуганные их военной мощью, жители вряд ли поведут себя агрессивно и быстро согласятся за скромное (или не очень скромное) вознаграждение, просить у варягов защиты. Кроме того, можно пообещать, что за каждую шкурку куницы, сверх установленной дани, ратники Клэнга намерены им платить полновесным и чистым серебром. Не было ещё случая, чтобы люди отказывались от такого столь лест-

ного для них предложения, если, конечно, не считать тех двух несговорчивых селений славян, которые впоследствии пришлось все-таки сжечь.

Рассветало. Туман постепенно редел, и не успело еще солнце полностью распрощаться с горизонтом, как с северо-востока послышался явственный волчий вой. Этот условный сигнал был избран далеко не случайно. Спутник великого Одина, волк, всегда был символом людей из фиордов, называющих себя викингами, и только ворон мог соперничать с ним в своей близости к этому великому сыну Бора и Бестлы.

Сигнал был принят, и штурмовой отряд уверенно двинулся вперед, постепенно растягиваясь в полукольцо, полностью охватывающее селение с юго-западной стороны. Одновременно навстречу ему в том же боевом порядке двигался и заградительный варяжский отряд. Через какое-то время эти два полукольца сомкнулись, и в селении начался переполох.

– Со мною пойдут Эйно и Ойва как наиболее известные варяжские купцы, а также Глум, этот, новенький, из славян. Будем договариваться с населением! – произнес Кленг и, немного задумавшись, добавил: – И Хаук пойдет тоже.

– Ярл, разве ты не будешь брать с собой охрану? – удивленно спросил Глум, не понимая, к чему такая неуместная храбрость.

– Дружина полностью блокировала эту территорию, и, к тому же, я надеюсь на вас – вы же викинги!

– И эта приبلуда тоже викинг?! – взглянув на кривича, уже хотел, в возмущении, воскликнуть Хаук, но сдержался под грозным взглядом своего авторитетного ярла. Юноша давно недолюбливал этого высокомерного и хвастливого славянина, но, как и все, старался не связываться с этим человеком и держаться от него подальше.

– Выступаем! Следите внимательно за нашими действиями и держите на прицеле всё, что может двигаться в этом селении! – произнес ярл. Затем он надел свой роскошный рогатый шлем и, встав во главе небольшого отряда, двинулся в сторону села. Кленг, в сопровождении свиты, вскоре достиг первых жилых строений и не останавливаясь, и не обращая внимания на притихших от страха селян, проследовал на центральную площадь. Здесь он остановился и громко, так, чтобы слышали все, произнес:

– Люди племени Меря! Не пугайтесь, подойдите и внимательно выслушайте то, что я вам сейчас скажу! Мы не грабители и не разбойники и пришли к вам с миром! Нам хотелось бы торговать с вами, быть в дружеских отношениях и гарантировать вашу полную безопасность от посягательств соседних племен. Я знаю, что у вас есть прекрасно выделанный куний мех, и мы готовы дорого платить за него. Согласны ли вы с таким предложением? – закончил свою речь ярл, внимательно всматриваясь в испуганные лица селян.

– Нам нужно подумать и посоветоваться! – после недолгой паузы раздался из толпы чей-то голос.

– Советуйтесь, но не очень долго! – благодушно разрешил Кленг, отлично понимая, что ответ будет однозначным. Присутствие его хорошо вооруженной и многочисленной дружины всегда помогало аборигенам думать правильно. Так будет и в этом случае.

Прошло полчаса. Наконец, видимо, приняв необходимое решение, от толпы отделился высокий седобородый мужчина и не торопясь подошел к ярлу.

– Мы посоветовались. Все жители единогласно за торговлю, и, более того, мы очень признательны вам за то, что в случае необходимости можем рассчитывать на вашу военную помощь. Действительно, у нас с некоторого времени складываются не очень дружеские отношения с кривичами, и ваша помощь может оказаться далеко не лишней. Мы согласны!

– Ну вот и прекрасно! Уверен, что вы также согласитесь с ценой, которую мы берем с сел, находящихся под нашей защитой. С каждого жителя по пять шкурок в год. Это совсем немного за те услуги, которые мы вам и будем оказывать в дальнейшем. Верю, что сейчас вы разойдетесь по своим жилищам, и сами принесете то, что мы просим. Надеюсь, вы меня поняли

правильно! – с довольной улыбкой произнес Кленг и сделал знак Глуму. – Ты говорил, что был когда-то в этом селении! Сходи и посмотри, все ли жители принесут положенную с них дань!

– Хорошо, ярл! Я с радостью проверю честность этих людей! – произнес Глум, довольный таким почетным и ответственным поручением. Среди собравшихся жителей он не увидел Эльви и ее сестры. Возможно, они все еще находились в своем жилище, и именно туда направился Глум, стараясь как можно тщательнее исполнить поручение Кленга. Открыв дверь, он обнаружил в полумраке низкого помещения лишь одну старую женщину, по всей вероятности, их мать. Сестер дома не было.

– Замечательно! – мысленно воскликнул он. – Теперь будет повод посчитаться с их немногословным и несговорчивым нойдом! Нужно было соглашаться и отдать мне в жены эту хозяйственную, хотя и очень строптивую, Эльви!

К обеду дань была принесена и уложена к ногам ярла.

– Все ли принесли положенное? Нет ли тех, кто схитрил, пытаясь обмануть гостя? – на всякий случай спросил Глум и после недолгого молчания произнес: – Не все! Эльви и Кайя, племянницы нойда, не принесли ничего и не пришли сами. Ярл, позволь спросить у этого колдуна, где его племянницы?

– Спрашивай! – разрешил Кленг и сурово посмотрел на Арви.

– Я не знаю, где они! Должны были быть дома! – не дожидаясь вопроса, ответил нойд.

– Ярл, я уверен, что этот человек заранее спрятал их вместе со своими сокровищами. Это очень хитрый колдун, и сейчас он пытается обмануть всех, даже своих односельчан! Не верьте ни единому его слову!

– Замолчи! Если никто не скажет, где эти две девицы, дань удвоится! Я жду, но недолго! – произнес Кленг, и все притихли в ожидании.

– Значит, никто и ничего не знает? Дань удваивается. Мы сами найдем племянниц вашего нойда и заберем их с собой! Моей дочери служанки не помешают! – уверенный голос ярла пронесся над толпой, и люди поняли, что беда уже совсем близко. Дружинники натянули тетивы своих мощных луков и замерли в ожидании команды.

– Я знаю, где они! У Синего камня! Меряне наивно думают, что он в состоянии им помочь в трудную минуту, и идут к нему! Позволь мне сходить туда и притащить этих девиц?! – выкрикнул Глум, которому, с одной стороны, очень хотелось услужить ярлу, а с другой, он все-таки надеялся выпросить или выкупить у Кленга одну из этих сестер.

– Иди, но не один! Хаук пойдет тоже – немного подумав, согласился Кленг

– Зачем мне Хаук, я и один справлюсь! – возмутился новоявленный дружинник.

– Нет! Хаук и ты! Хаук – старший! – вновь настойчиво повторил ярл.

– Хорошо, я повинуюсь! – произнес Глум, но голос его уже дрожал от обиды. Он не сомневался, что у Синего камня найдет не только девушек, но и кое-что еще, и делиться с Хауком, совершенно не входило в его дальнейшие планы.

Глум понуро шагал на юго-восток. Где-то там, за густым еловым перелеском, в нескольких сотнях шагов от селения, и находился, священный камень племени Меря. Вслед за ним шел и Хаук, которому тоже не очень хотелось составлять компанию этому молодому и заносчивому перебежчику, но приказ есть приказ. Вот они миновали оцепление, перешли небольшое овсяное поле и, наконец, достигнув опушки леса, незаметно исчезли в его густой и зеленой хвое. Селяне, проводив их взглядами, тоже постепенно разбрелись по своим жилищам и вскоре принесли ярлу требуемый им мех. Затем они снова, молчаливой толпой стояли на площади и ждали возвращения посланных к Синему камню, дружинников. Ждал и Кленг, уже готовый покинуть это богатое и многолюдное селение. Шкурки куниц, упакованные в два приличных тюка, стояли у его ног и были уже полностью готовы к дальнейшей и довольно продолжительной транспортировки. Ожидание продлилось недолго.

Глава 5. Бурвище.

Кайя не спала. Она лежала с открытыми глазами и, всматриваясь в темноту, думала о том, почему в этой жизни так много и божественной и человеческой несправедливости. Почему медведь, убийца их отца, должен возродиться вновь, а их отец этого сделать уже не сможет? Так гласит закон предков. Девушка понимала всю крамольность своих, пока ещё не озвученных мыслей, но открыто спорить с богами все-таки не решалась. Это было бы кощунственно, да и к тому же совсем небезопасно.

– Ты не спишь? – раздался приглушенный голос Эльви.

– Нет, просто лежу и думаю – также тихо ответила Кайя

– И о чем же ты думаешь? – вновь из темноты прозвучал знакомый голос сестры.

– О медведе. О том самом медведе, который и был сегодня принесен в жертву нашим богам. Я понимаю, что это священное животное, но почему же оно так поступило с нашим отцом? Почему оно, не смотря на проявленную жесткость, снова должно возродиться на нашей земле? Это неправильно и несправедливо! – Кайя вздохнула и вновь замолчала, вглядываясь в беспросветную темноту, царящую в их жилище.

– Несправедливо, но ничего не поделаешь! Так решил Укко – главный небесный правитель. Мы всего лишь люди и бессильны изменить его окончательное, хотя и очень несправедливое решение! – согласилась Эльви.

– А если не менять, а немножко подправить то, что решили боги! Ведь Укко даст возможность вновь ожить этому чудовищу только при условии, что его череп и кости будут находиться в земле. Правильно? – уже с каким-то новыми нотками в голосе, прозвучал из темноты очередной и вполне провокационный вопрос.

– Да, именно так, – согласилась Эльви, ещё не понимая, о чем именно спрашивает её сестра.

– А если они не будут преданы земле, то медведь не возродится? – вновь спросила Кайя.

– Нет, не возродится, но они уже закопаны!

– Так пойдем и откопаем кости этого, хотя и священного, но столь ненавистного нам медведя! И тогда все будет по закону! Не закопаны – значит, не возродится!

– Ты в своем уме?! Думай, что говоришь! Знаешь, что нам за это будет?!

– Знаю! Нас обязательно выгонят не только из селения, но и из племени, если, конечно, догадаются, что все это сделали мы! А может, и не мы! Может быть, сам верховный небесный правитель решил не возрождать именно этого медведя, а дать нам нового! Я поговорю с Яром, он обязательно что-нибудь придумает, а нашему дядюшке все равно, какой это медведь, лишь бы он был!

Эльви задумалась. Страх перед богами был силен, но еще сильнее было дерзкое желание расчитаться с медведем и, кажется, последнее брало верх.

– Хорошо! Мы так и сделаем. Чему бывать – тому не миновать! Ты, оказывается храбрая, сестренка, а всегда казалась такой тихоней! – восхищенно промолвила Эльви и стала молча одеваться.

Туман был густым и влажным. Он, словно мягкое белое одеяло лежал на поверхности земли и едва скрывал фигуры людей, движущихся по направлению к бурве. Там, на берегу небольшого, мелководного, озера и находилось то самое требище, где ещё совсем недавно был совершен таинственный и священный обряд. Как ни странно, не смотря на окружающий их плотный туман, темное ночное небо над головой оказалось звездным и чистым. Вот и сейчас в его бездонной и спокойной вышине все также отчетливо просматривалась, мерцающая звездами, Дорога Диких Гусей. Каждой весной эти большие и сильные птицы движутся по этой дороге на север, а осенью, с наступлением холодов, вновь возвращаются в заморские теплые

страны. Кайя мельком взглянула вверх и тут же наткнулась на сухую ветку, которая громко хрустнула.

– Тише, собак разбудишь! – слышался сдержанный шепот Эльви.

– Случайно!

– Будет нам «случайность», если узнают!

– Не узнают! Я везучая!

Деревья, нависшие над тропинкой, расступились, и девушки вышли на укутанное мраком, пустынное и тихое требище. Здесь туман был более сильным и лишь вершины деревьев теперь просвечивались сквозь это плотное белесое марево. Девушки, почти на ощупь отыскивали то место, где были зарыты медвежьи останки и, дрожа от страха, откопали кости священного животного.

– Унесем далеко в болота и спрячем! – проговорила Кайя, не зная, как поступить дальше.

– Нет! Там найдут! А если мы их никуда не будем прятать, а оставим на этом же месте? Пусть думают, что Рота – повелитель подземного мира мертвых, отказался от дарованного медведя и не позволил матери мертвых, Ябме-акке, держать его кости в земле. Это будет очень достоверно и правильно!

– А как же дядя? Выходит, он ошибся в выборе священной жертвы?

– Ни в коем случае! Примет ли земля кости священного животного – решает не он. Нойд сделал все правильно.

– Ладно, быть по-твоему, – неуверенно сказала Кайя, и они вдвоем аккуратно уложили останки медведя на месте погребения. Дело было сделано и дальше оставаться здесь уже не было смысла.

– Идем, пока нас не хватились! – зябко поеживаясь, проговорила Эльви и, не дожидаясь ответа, двинулась в сторону села. За ней, немного подождя, пошла и Кайя. Видимость была отвратительной, но это ничуть не огорчало девушек. В таком тумане вряд ли их кто заметит, думали они, осторожно раздвигая склонившиеся над тропинкой мокрые еловые лапы.

Светало. Туман постепенно редел, и над только что покинутым требищем, а точнее, над вершинами деревьев, окаймляющих это священное место, уже появилась алая полоска зори. Село было рядом, и девушкам оставалось лишь преодолеть небольшую еловую куртину да овсяное поле, отделяющие сестер от покинутого ими жилища.

Внезапно, Эльви остановилась и сделала знак сестре. Кайя тоже замерла и внимательно прислушалась к этой безмятежной и утренней тишине. Где-то там, со стороны Лисятника едва слышались звуки чьих-то многочисленных и осторожных шагов. Сойдя с тропинки, девушки остановились и укрывшись за мощными стволами деревьев, замерли в каком-то, казалось бы, бесконечном и тревожном ожидании. Прошло ещё немного времени, и, наконец, они увидели незнакомого воина, осторожно пересекающего их путь. Затем появился и ещё один человек, и вскоре девушки насчитали не менее двух десятков незнакомых им людей, тайно пробирающихся в сторону их села. Незнакомцы были вооружены, а это явно указывало на то, с какой целью скрытно движутся к селу эти неизвестные и молчаливые люди. С замиранием сердца, девушки, вдруг, вспомнили рассказы Яра о бесчинствах и грабежах каких-то варягов и вполне возможно, что это и были именно они. Ни Эльви, ни Кайя никогда не видели иноземных воинов, но рогатый шлем, на голове одного из них явно указывал на его несомненную скандинавскую принадлежность. Дорога в село была блокирована, предупредить сельчан невозможно, и девушкам оставалось лишь смотреть и ждать чем закончится этот страшный и вероломный набег.

Из-за укрытия, где неподвижно притаились, охваченные страхом девушки, было хорошо видно все, что происходит сейчас в оставленном ими селении. Чужие воины уже взяли в кольцо их жилища, и теперь один из них, видимо, самый главный, что-то говорил понуро стоящим неподалеку селянам. Затем, после непродолжительной паузы, к их вождю подошел Арчи и что-

то долго объяснял ему, показывая рукой на стоящие рядом жилища. Нойд, видимо, в чем-то пытался убедить своего собеседника, однако это ему, по всей вероятности, так и не удалось. Их дядя вновь вернулся к селянам, что-то сказал им, и те, разойдясь по своим жилищам, вскоре вернулись, неся с собою, добротный и гладкий мех, Шкурки были небольшими, и не трудно было догадаться, что это куньи. Более ценного товара у односельчан просто не было. Они сложили его у ног чужого вождя и вновь отошли на край площади. Дань была заплачена и, казалось бы, все плохое уже позади, но не тут-то было. К варяжскому вождю подошел один из дружинников и что-то ему сказал. Девушки еще раньше заметили, что этот человек подходил к их жилищу и даже заглянул в него. Меха там не было, и, может быть, именно это воин и сказал своему вождю. Было видно, что тот остался крайне недоволен услышанным и что-то гневно произнес, вновь обращаясь к селянам. Ратники плотнее сомкнули кольцо и недвусмысленно подняли свои тяжелые и мощные луки. Девушкам показалось, что еще мгновение – и все будет кончено, но, к счастью, они ошиблись. Люди снова разошлись по своим жилищам и снова принесли выделанные куньи шкурки. Это были последние, и они отдали их в обмен на собственную жизнь. Брать в этом селении больше было нечего. Тот ратник, что заглядывал в их жилище, вновь подошел к своему вождю и что-то стал говорить, показывая в ту сторону, где спрятались сестры. Вождь выслушал и дал какую-то команду. Двое ратников, один из которых только что разговаривал с вождем, пройдя сквозь оцепление, направились в их сторону. Сначала девушки подумали, что это просто случайность, но, разглядев внимательнее, в одном из них они, с удивлением, узнали Глума, того самого кривича, который, два года назад появившись в их селении, так неуважительно и настойчиво приставал к Эльви. Сомнений не было. Ищут именно их.

– К Синему камню! Никто не посмеет прийти с оружием на это священное место. Боги обязательно покарают вооруженного человека и об этом давно уже знают все люди из ближайших племен и селений.

Осторожно покинув свое укрытие, девушки стали отходить в сторону только что покинутого ими требища. Последней шла Эльви. Осторожно раздвигая холодные, мокрые ветви она уже видела просвет между деревьями и спасительный мостик на остров, когда, вдруг, почувствовала, как кто-то крепко схватил ее за плечо. Она испуганно обернулась и замерла. Перед ней стоял высокий статный юноша и, словно замороженный, молча смотрел в глаза своей безмолвной и напуганной пленницы. Короткая кожаная обувь, длинный меч на поясе и защитный металлический шлем на голове – все говорило о том, что он и есть один из тех варягов, что находятся сейчас в захваченном ими селе. Это продолжалось какое-то мгновение. Эльви вырвалась и, уже не разбирая дороги, стремглав бросилась в сторону священного Синего камня. Перебежав поляну, она оглянулась. Кайи здесь не было. Поляна была пуста и только какая-то маленькая серая птичка, видимо напуганная внезапным появлением человека, торопливо взлетела с её травянистой и зеленой поверхности. Не было и погони, и это выглядело более чем странно в данной, сложившейся, ситуации. Преодолев мостик и оказавшись на острове, девушка немедленно бросилась к священному камню и, положив руки на его еще влажную от предутреннего тумана поверхность, стала отчаянно просить своего бога о помощи.

Глава 6. Первая жертва.

– Растяпа! Девчонку, и ту поймать не смог, а еще викингом себя называет! – послышался недовольный голос Глума, и Хаук словно очнулся. Это было какое-то наваждение. Темноволосая красавица с длинными, доходящими до пояса косами и такими же темными бездонными глазами вдруг куда-то пропала, а вместо нее перед ошеломленным юношей вдруг возник недовольный и ехидно улыбающийся кривич. Рядом с ним, со связанными руками, стояла незнакомая девушка, очень похожая на ту, которую только что видел Хаук.

– Покарауль эту лягушку, а я вторую приведу! – командным тоном произнес Глум, и, не дав Хауку до конца прийти в себя, уверенно зашагал к водоему. Скрипнули мостки. И тут случилось невероятное. Черный ворон, до сих пор спокойно сидевший на вершине огромного дуба, вдруг взмахнул крыльями и, спланировав на деревянный настил, преградил человеку путь на остров. Хаук много слышал о воронах, но такое увидел впервые. Птица совершенно не боялась приближающегося к ней Глума и не улетала. Казалось, что она предостерегала этого, незваного, гостя от нежелательного и очень опрометчивого поступка. Священная птица викингов однозначно запрещала вход на остров этому человеку. Хаук был смелым воином и никогда не боялся вступить в бой, даже с более сильным чем он, противником, но сейчас на его глазах происходило событие, от которого ему по-настоящему становилось страшно. Он все еще надеялся, что этот кривич остановится и немедленно повернет обратно, но этого так и не произошло.

– Расселся! Кыш отсюда! – и отбросив ворона сильным ударом ноги, Глум беспрепятственно подошел к Синему камню и, связав Эльви, потащил ее на поляну, где уже находились Кайя и застывший от страха Хаук. На его глазах было совершено неслыханное и непростительное святотатство.

Ударить ногой спутника Одина! Да за такой поступок любого скандинава, даже не рассуждая, тут же подняли бы на копья его же товарищи! Теперь беды не избежать, и юноша почувствовал это очень отчетливо. Открылась дорога в страну мертвых, и, видимо, многие из них теперь уйдут по этой дороге, так и не добравшись до берегов родного Варяжского моря.

– Вот и вторая! – довольно произнес Глум, толкнув связанную девушку, и та, не удержавшись, упала к ногам стоящего рядом Хаука. Блестящее очелье сорвалось с ее головы и со звоном ударилось о землю. Одна из подвесок оторвалась и, блеснув на солнце своей красивой медной полировкой, бесследно исчезла в траве.

– Думаю, что награда мне обеспечена, и даже более того... – закончить свою речь Глуму не удалось. Тяжелый удар, в который Хаук вложил всю свою недюжинную силу, сбил кривича с ног.

– Это тебе задаток! – с трудом сдерживая себя, произнес Хаук, глядя на поверженного и ничего не понимающего противника, и тут его глаза невольно встретились с глазами связанной девушки, которую Глум только что привел с озера. В них безмолвно светилась искренняя человеческая благодарность.

До селения все четверо шли молча. Хаук и Глум не разговаривали, но каждый из них уже знал, что скажет ярлу. Они ненавидели друг друга, и каждый считал себя правым. Девушки тоже молчали. Они понимали свое положение и единственно, на что могли надеяться в данной ситуации, так это на то, что священный Синий камень все-таки не оставит их в беде. Сестры не знали, почему схватили именно их, и связывали это со своим, недавним, поступком.

Наконец, показалось селение. Люди все еще понуро стояли на площади и чего-то ждали. У ног ярла лежали связки куньих шкурок и, судя по их количеству, можно было сказать, что это весь мех, который имели до сегодняшнего дня селяне. Если все это заберут с собой пришельцы, то расплатиться с соседями за зерно будет нечем. В этот год урожай оказался более

чем скудным, и жители села надеялись обменять имеющийся у них мех на зерно, но теперь этого сделать будет уже невозможно. Несмотря на все старания нойда, договориться с варяжским вождем так и не удалось. Значит вновь, как и несколько лет назад, жителям села придется ограничить свой рацион лишь капустой да репой, а о хлебе теперь можно уже и не мечтать.

– Что случилось, Глум?! Кто же это тебе так лицо расцарапал? Бери пример с Хаука! Цел и невредим! Он настоящий воин! – улыбаясь, произнес Кленг, глядя на подошедших дружинников и их пленниц.

– Ярл! Хаук не воин, а трус и предатель! Он преднамеренно отпустил одну из пленниц, и если бы не я, она и сейчас бы сидела на острове, прячась за свой священный камень! А за то, что я выволок ее оттуда, он разбил мне лицо! – с обидой выкрикнул Глум и, взглянув на Хаука, добавил: – Он умышленно хотел лишить всех нас этой добычи! Он предатель!

– Это правда, Хаук? – нахмурившись, спросил ярл и, видя, как притихли окружающие, повторил: – Это правда?

– Да, это я разбил ему лицо! Девушки здесь не причем!

– Видите! Он даже этого и не скрывает! Когда я подошел к нему с первой пленницей, он стоял рядом с ее сестрой, и они смотрели друг на друга, будто старые знакомые! Увидев меня, девчонка бросилась бежать, а он даже руки не протянул, чтобы схватить ее! А когда я поймал и приволок с острова эту беглянку, то вместо благодарности он ударил меня и даже схватился за рукоятку меча! – поспешил вмешаться Глум.

– Я спрашиваю Хаука, а не тебя! – жестко произнес ярл, и кривич умолк. – Действительно, это было так, как говорит твой товарищ?

– Да, это было так. Я, действительно, хотел убить этого человека! – угрюмо произнес Хаук, и все окружающие замерли в немом оцепенении.

– Я не верю тебе! Ты не мог так поступить. Хаук – смелый воин, и это нам всем хорошо известно! Ты никогда не бросал в бою своих друзей, и многие из них обязаны тебе жизнью. Знаю, что пленницы здесь ни при чем, но ведь, наверное, были у тебя и какие-то серьезные причины, чтобы так жестоко поступить со своим товарищем. За что ты ударил Глума?

– Он погубил нашу дружину! – угрюмо ответил Хаук.

– Ты не понимаешь, что говоришь, и мы тоже тебя не понимаем! Как может один человек погубить всю дружину? Он, действительно, поймал и привел сюда пленниц. Разве это можно назвать предательством? Конечно же нет. Даже если бы это было и так, причем здесь дружина. Погибнуть она может только в бою с более сильным противником, а не сражаясь с двумя малолетними девицами, которые и меч то никогда в руках не держали. Хаук, ты предъявил своему товарищу серьезные обвинения и тебе придется очень подробно рассказать о том, что произошло – Кленг замолчал и взоры присутствующих вновь остановились на Хауке, молчаливо стоящим перед своим ярлом.

– Кленг, погубить нашу дружину можно и иным способом, не вступая ни в какие сражения и хватки с противником. Я расскажу, что случилось, но это будет очень грустная и далеко не обнадеживающая нас история – наконец, выслушав вождя, произнес Хаук. – когда Глум пошел на остров за второй пленницей, дорогу ему преградил ворон. Большая черная птица молча слетела с дерева и, опустившись на мостки, предостерегающе распростерла свои мощные крылья. Наш верховный бог, в лице своего верного спутника – ворона, категорически не разрешал прикасаться к этой, спрятавшейся за камнем, девушке. Всё было настолько очевидно, что даже самый бестолковый человек и тот бы повернулся и ушел из этого странного и далеко небезопасного места. Глум поступил иначе. Он ударил ногой эту священную птицу, и теперь уже некому будет донести наши молитвы до великого Одина. Я сказал все!

Люди молчали. Никто не мог, даже на мгновение, предположить, что это – правда. Молчал и Кленг, не зная, что ответить на слова, только что произнесенные Хауком. Ярл не мог и не хотел верить тому, что сказал его ратник. Первым прервал это затянувшееся молчание кривич.

– Он врет! Он все врет! Не было там никакого ворона! Что делать священной птице у синего камня? Я сам из этих мест и могу с полной уверенностью сказать, что не живут вороны в этих краях. Хаук врет и все это он делает из-за какой-то пленной, смазливой, девчонки! Подумайте люди, разве бы я посмел ударить ногой эту священную, черную птицу! Подумай и ты, ярл! Хорошо подумай, кто из нас прав! У пленниц спрашивать об этом событии совершенно бессмысленно. Они будут на стороне вашего хребца, а других свидетелей нет! Я же не самоубийца, чтобы пойти на такое ужасное преступление!

Ярл молчал. Молчали и дружинники, ожидая окончательного решения вождя.

– Вы оба сейчас говорите совершенно противоположное. Ясно одно. Виновник должен быть и будет наказан. Я только ярл, но не бог, и пусть сам великий Один справедливо решит этот спор. Ему виднее, кого и когда наказать своей властью. Пусть будет так, как я сказал! – глухо произнес Кленг, отлично понимая, что несправедливое решение неминуемо приведет к расколу в дружине. – А теперь за дело! Все собранное упаковать и забрать с собой! Также забрать с собой и одну из пленниц! Моей дочери необходима служанка. Вторую пленницу отпустить, потому что если Хаук прав, то она находится под защитой нашего верховного бога, и мы не вправе перечить ему! Что стоите!? За работу!

– Подожди, вождь! – раздался вдруг взволнованный голос одной из пленниц. – Если верить твоим словам, то я нахожусь под защитой богов, и никто не вправе неволить меня? Это правда?

– Правда! – ответил ярл, с удивлением вглядываясь в красивое лицо Эльви. Он первый раз в жизни видел человека, которому, если верить словам Хаука, явно покровительствует сам бог Один. – Ты свободна!

– Но не свободна моя сестра! Она никому не сделала ничего плохого, и было бы справедливо отпустить и ее! – Глаза Эльви в упор смотрели на Кленга, и от этого взгляда ему вдруг стало как-то не по себе.

– Нет! Это касается только тебя!

– Тогда и я иду вместе с ней! Сестре будет легче на чужбине, если кто-то из близких ей людей будет рядом!

– Нет! Ты останешься здесь! Я верю не только Хауку, но и Глуму. По его словам, здесь вороны не живут, а он, живший здесь бок о бок с вами, знает, что говорит!

– Не живут?! Не живут, говоришь?! А ты оглянись! – Голос девушки дрожал от негодования, и Кленг, обернувшись, замер. Шагах в двадцати, на вершине дерева сидел огромный черный ворон и в упор смотрел на Кленга. Их взгляды встретились, и ярлу показалось, что глазами птицы сам великий Один осуждающе смотрит на онемевшего от страха человека. Так продолжалось какое-то мгновение. Затем ворон взмахнул своими сильными крыльями и, сделав круг над собравшимися людьми, скрылся за густыми кронами больших, близстоящих, деревьев.

– Идем собираться, сестра, дорога предстоит дальняя! – как во сне, услышал ярл голос Эльви. Не в силах сопротивляться явной воле богов, он дал свое согласие на то, чтобы Эльви сопровождала свою сестру, но ни в коем случае не считала бы себя их пленницей. Дружина облегченно вздохнула.

Вечерело. Нагруженная конфискованным товаром, дружина неторопливо двинулась в обратный путь. Последним шел Глум с бесцеремонно отобранной у Арви, шкурой священного медведя. Он боялся, что нойд скажет ярлу о его неблагоприятном поступке, и тогда скандала не избежать. Глум уже почти добрался до леса, когда заметил, что один из мерян поднял свой лук. Реакция кривича была мгновенной. Каленая стрела Глума пронзила сердце мерянина еще до того, как тот успел натянуть тетиву своего смертоносного, но теперь уже совершенно бесполезного для него оружия.

– Так вам и надо! – ехидно улынувшись, прошептал новоиспеченный варяжский воин и, вслед за своими товарищами, тоже скрылся в густом безбрежном лесу. Глум был уверен, что

теперь уже никто из сельчан не пойдет жаловаться на него ярлу, а с Хауком он в свое время тоже, по-своему, разберется.

Глава 7. Благуща.

Отряд ушел. Последние варяжские ратники достигли опушки леса и, один за другим, бесследно исчезли, в его густой, вечнозеленой хвое. Вместе с ними, исчезла и надежда сельчан на относительно спокойную и сытную зиму. К тому же, меряне потеряли сегодня двух девушек и одного молодого охотника. Аарне не смог простить кривичу того, что случилось с Эльви и её сестрой, и за это поплатился жизнью. Несмотря на категорический запрет нойда, он поднял свой лук, но выстрелить так и не успел. Глум опередил своего незадачливого противника и первым нанес ему молниеносный и смертельный удар. Ноги Аарне подкосились, и он, не издав ни единого звука, сначала опустился на колени, а затем и упал, опрокинувшись на спину. В груди поверженного охотника, блестя знакомым оперением, торчала чужая, варяжская, стрела. Люди замерли, еще не осознавая, что случилось с их молодым сельчанином, бросились к упавшему человеку и только тут поняли, что Аарне уже мертв. Толпа заволновалась, зашумела и часть её уже готова была кинуться вслед за ушедшей варяжской дружиной и лишь уверенный голос нойда остановил этих, не в меру разбушевавшихся, селян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.